Праздник Святой Дженис

Майкл Суэнвик

SHOUT
SHARE
IT

- Праздник Святой Дженис
  -
- notes
  - [01]
  - [02]
  - [03]

Праздник Святой Дженис

Ранним утром Вольф, опираясь на парапет, смотрел, как «Янки Клиппер» покидает туманную гавань Балтиморы. Каменная ограда, возле которой он стоял, была прохладной и гладкой. Ее поверхность, отполированная бесчисленными прикосновениями, говорила о том, что стена была сооружена еще до Крушения. Металлический отблеск на вершине фок-мачты привлек его внимание к круглой антенне, которая связывала корабль с геосинхронными передатчиками системы «Трикстер»; они снабжали его информацией о ветрах и течениях.

Для многих деревянный «Клиппер» с его рассчитанными на компьютере подводными крыльями и вручную сшитыми парусами был символом Южной Африки. Но Вольф, наблюдая за тем, как он исчезает между морем и небом, думал лишь о том, что еще один корабль возвращается домой без него.

Он повернулся и пошел назад к лабиринту зданий, беспорядочно выстроившихся вдоль берега. Грохот ручных тележек смешивался со странными возгласами и криками – чужими звуками дюжины американских диалектов. Повсюду суетились рабочие, большинство одеты в комбинезоны. Всякий раз, когда железное колесо застревало в очередной полной грязи рытвине, они ожесточенно спорили и бранились. В то же время было в них что-то тайное, скрытное, будто они владели каким-то древним секретом.

Вглядываясь в темное нутро одного из складов, Вольф столкнулся с женщиной, с головы до пят закутанной в паранджу. От неожиданности она вздрогнула, из-под черного покрывала сверкнули ее глаза, и чадра опустилась вновь. Не было произнесено ни слова.

Вряд ли те, кто видел Балтимору в период ее расцвета, узнали бы сейчас город. Старые здания разрушились или сгорели. На улицах теснились лачуги, занимая теперь пространство, где раньше мчались автомобили. Дома иногда строили так, что улицы превращались в туннели, которые время от времени обваливались под крики и стоны своих обитателей.

Еще один день, который надо как-то убить. Вольф мог бы надеть респиратор и побродить по руинам Вашингтона, но там он уже бывал, да и день обещал быть жарким. Он уже не надеялся, что получит ответ на свое предложение. На ожидание ушли месяцы, а американские чиновники все еще не желали с ним разговаривать. Вольф решил заглянуть в гостиницу, в которой остановился, проверить, нет ли каких новостей, а потом

отправиться на базар.

На улице перед гостиницей играли дети. Они разбежались при его приближении. Один из мальчишек споткнулся и упал, не устояв на своей уродливой ноге. Вольф поднялся по некрашеным деревянным ступеням, осторожно обойдя старика, который сидел на первой ступеньке. Старик медленно раскладывал карты Таро с полным безразличием к тому, что они предсказывали. На Вольфа он даже не посмотрел.

Звякнул дверной колокольчик, и Вольф вошел в сумрачное фойе.

И сразу же возле него оказались двое в черной форме политической полиции.

– Вольфганг Ганс Мбикана? – спросил один.

Вопрос был простой формальностью – ответ полицейскому был известен.

– Вы пойдете с нами, – сказал другой.

– Это какая-то ошибка.

– Нет, сэр, не ошибка, – мягко возразил первый.

Другой уже открывал дверь:

– После вас, мистер Мбикана.

Старик, который сидел у входа, подслеповато прищурился, быстро отвел глаза и соскользнул со ступеньки.

Полицейские привели Вольфа к старинному административному зданию. Они поднялись по мраморным ступеням, стертым подошвами многих поколений, прошли пустой холл и где-то в глубине здания остановились у ничем не примечательной двери.

– Вас ждут, – сказал один из полицейских.

– Что вы сказали?..

Но те уже удалялись, оставив его в одиночестве перед закрытой дверью. Не без опаски он постучал. Ответа не было, и ему не оставалось ничего другого, как распахнуть ее и войти.

В комнате за письменным столом сидела женщина. Она была модно одета, но лицо ее скрывала чадра. Вольф не мог понять, молода она или нет. Быстрый взгляд, рука, указывающая на открытую дверь в следующую комнату. Вольфу казалось, что он снимает чешуйки с лука: постепенно, по одной чешуйке, по одной тайне за раз.

За столом сидел грузный мужчина, одетый в традиционный костюм и галстук американского бизнесмена, но в его выразительном подвижном лице и в глазах, внимательно изучавших Вольфа, не было ничего старомодного.

– Присаживайтесь, – пригласил он, указывая на старое мягкое кресло. – Чарльз Ди Стефано. Инспектор северо-восточного

региона. А вы – Мбикана, так?

– Да, сэр.

Вольф с величайшей осторожностью устроился в кресле, которое вдобавок ко всему еще и не отличалось особенной чистотой. Ситуация понемножечку прояснялась. Ди Стефано был одним из тех, чьего ответа он дожидался уже несколько месяцев; он был последней инстанцией.

– Я представляю...

– Юго-Восточную Африканскую Торговую Компанию. – Ди Стефано указал на лежащие перед ним на столе бумаги. – Здесь сказано, что среди всего прочего вы готовы предложить данные с вашего геофизического спутника «Койот», нацеленного на Северную Америку, в обмен на разрешение послать ваших студентов в университет Хопкинса. Я не ожидал от вашей организации такого предложения.

– Вы же видели мои документы, – ответил Вольф. – У себя в Африке я не привык так вести дела.

– Слушай, парень, а я не привык, когда ко мне вот так обращаются. У меня нет времени обсуждать твои права. Документы у меня, да. Я их прочитал. Люди, которые тебя послали, знали, что я их прочту. Верно? Итак, я знаю, чего вы хотите и что вы предлагаете. А теперь я хочу знать, почему вы делаете нам это предложение.

Вольф был смущен. Он привык к более цивилизованной, более неторопливой манере ведения дел. Старожилы ЮВАТК предупреждали его, что здесь все будет по-другому, но он не имел достаточного опыта, чтобы толком понять их завуалированные намеки. Теперь он был уверен, что получил это задание со всей его высокой оплатой и обещанной премией только потому, что на него не нашлось других охотников.

– Америка пострадала сильнее всего, – сказал он, – но Крушение затронуло весь мир. – Вольф задумался, стоит ли объяснять систему общей социальной ответственности, на которой строится африканский бизнес, но затем решил, что если Ди Стефано о ней не знает, то скорее всего потому, что просто не хочет знать. – У нас все еще много проблем. В Африке велик процент врожденных дефектов. – (Потому что Америка экспортировала яды, свою химию и пестициды, еду со всевозможными адскими зельями.) – Сейчас мы надеемся решить эту проблему. Если бы был сделан первый шаг, мы смогли бы очистить наш генетический фонд менее чем за сто лет, но для этого нужны профессионалы: генетики, эмбриохирурги. У нас они пока не самого высокого класса. Лучшие специалисты по-прежнему выходят из ваших медицинских школ.

– Они нужны нам самим. Мы не можем делиться с вами.

– Мы не хотим переманивать ваших специалистов. Мы направим к вам наших студентов – это дипломированные врачи, которым необходима только специальная подготовка.

– В университете Хопкинса очень ограниченное число мест, – сказал Ди Стефано. – Кстати сказать, и в Пенсильванском университете тоже. То же самое и в медицинском колледже УВМ.

– Мы готовы... – Вольф оборвал себя. – Это все есть в бумагах. За каждого нашего студента мы будем платить вдвойне.

В комнате создалась мрачная гнетущая атмосфера. От напряжения у Вольфа выступил на лбу пот.

– Ну что ж! Однако учителей нельзя купить за деньги.

Вольф промолчал.

– Мне и близко не хочется подпускать ваших людей к нашим медикам. Вы можете предложить им деньги, собственность – то, чего не может позволить себе наша страна, – а ведь нам самим позарез нужны доктора. Сейчас только очень богатые могут позволить себе необходимую хирургическую коррекцию.

– Вы боитесь, что мы будем переманивать ваших профессионалов? Можно найти способ избежать этого. Например, включить в договор пункт...

Вольф почувствовал, что начинает владеть ситуацией. Дело сдвинулось с мертвой точки. Если бы они не собирались сотрудничать, беседа никогда бы не продвинулась так далеко.

И началась работа. Ди Стефано несколько раз вызывал своих помощников и снова их отпускал. Дважды он посылал за прохладительным. Потом они наскоро перекусили. Становилось все жарче. Скоро духота стала совершенно изматывающей. Наконец стало темнеть, и в комнате сделалось попрохладнее.

Ди Стефано разложил документы на две пачки. Одну он протянул Вольфу, а другую положил в ящик стола.

– Я еще раз все просмотрю. Привлеку наших юристов – пусть изучают. Не думаю, что будут какие-то затруднения. Я дам вам ответ, ну, скажем, через месяц. Двадцать первого сентября. К тому времени я буду в Бостоне, но вы легко меня найдете.

– Через месяц? Мне казалось...

– Через месяц. Я не могу торопить мэрию, – жестко сказал Ди Стефано. – Миссис Кори!

– Сэр! – На пороге появилась женщина в чадре. Ни голос, ни поза не выдавали ее эмоций.

– Разыщи Каплана. Скажи ему, у нас тут парень, которому надо устроить королевский прием. Может, свести его на концерт. Это касается университета Хопкинса, так что пусть отрабатывает свое содержание.

– Да, сэр. – Она исчезла.

– Спасибо, – замялся Вольф, – но, может быть, нет необходимости...

– Прими мой совет, парень, бери все, что тебе предлагают. Кто знает, предложат ли тебе это еще раз? Через час Каплан зайдет за тобой в отель.

Каплан оказался тощим лысеющим человечком с нервными, порывистыми движениями. Он был чиновником, имеющим какое-то отношение к Хопкинсу, но Вольф так и не уловил связи. Каплан также терялся в догадках по поводу Вольфа, и тот доставил себе удовольствие не дать Каплану никаких объяснений.

Каплан вел Вольфа по вечерним улицам. Яркие краски заката оживляли мрачноватый город. Толпа на улице стала заметно реже.

– Мы не пойдем в те районы, где отключено электричество, – сказал Каплан, – иначе я вообще отказался бы от этого ночного похода. Там полно глухарей.

– Глухарей?

– Ну мутантов, подонков. Безнадежный случай. Некоторые из них не могут выходить днем даже в комбинезоне. Или в чадре. Среди них, кстати, много женщин. – На лице Каплана мелькнула и тут же исчезла нехорошая, какая-то извращенная усмешка.

– Куда мы направляемся? – спросил Вольф, желая переменить тему. Что-то подсказывало ему, что не стоит выяснять причину этой странной ухмылки.

– Клуб называется «Пибодиз». Вы слышали о Дженис Джоплин, нашей знаменитой певице?

Вольф отрицательно покачал головой.

– Шоу – это имитация ее выступления. Певицу зовут Мэгги Горовиц. Ее имитация – лучшее из всего, что мне доводилось видеть. Билеты практически невозможно достать, но здесь Хопкинс имеет влияние, потому что.., ну, вот мы и пришли.

Каплан повел его вниз по каменной лестнице в подвал мрачного кирпичного здания. На мгновение Вольф почувствовал себя потерянным. Это была книжная лавка. Его окружали полки и коробки с книгами и журналами – огромное скопище никому не нужной бумаги.

Вольфу захотелось остановиться, рассмотреть эти останки былого мира, который с ужасающей быстротой тонул во мраке забвения, превращаясь в миф. Но Каплан, не удостаивая эти сокровища взглядом, уже вел его дальше.

Они миновали еще одну комнату, полную книг, затем оказались в коридоре, где какой-то человек в сером протянул к

ним иссушенную руку и произнес:

– Билеты, пожалуйста.

Каплан дал ему две картонные карточки, и они прошли в третью комнату.

Это было кабаре. Деревянные стулья были расставлены вокруг круглых столиков, на каждом из которых мерцала свеча. Вдоль потолка тянулись деревянные балки, одну стену практически полностью занимал камин. Противоположной стены не было, вместо нее Вольф увидел занавес, за которым явно скрывалась сцена. Невообразимая коллекция всевозможных сувениров, собранная за сотню с лишним лет, заполняла все свободные стены, кое-что свисало с потолочных балок, напоминая трофеи, взятые варварами на развалинах павшей империи.

– «Пибодиз» – местная достопримечательность, – сказал Каплан. – В двадцатом столетии в этом баре незаконно продавали спиртное. Сам Эйч Эл Менкен[01] захаживал сюда.

Вольф кивнул, хотя это имя было ему незнакомо.

– Книжная лавка была прикрытием, а спиртное продавали вот здесь.

В кабаре чувствовалось дыхание прошлого. Это место напоминало о тех далеких днях, когда Америка была великой державой. Вольфу казалось, что с минуты на минуту сюда войдет Теодор Рузвельт или Генри Киссинджер. Он поделился своими ощущениями с Капланом и тот услужливо улыбнулся:

– Тогда шоу должно вам понравиться.

Подошел официант, но они так и не успели притронуться к своим бокалам. Вспыхнули прожекторы, и занавес раздвинулся.

На небольшой сцене стояла женщина. На руках у нее были браслеты и какие-то побрякушки, на шее – много рядов ярких бус. Женщина была в темных очках. Сквозь цветастое платье старинного фасона рельефно проступали соски. Вольф как зачарованный смотрел на нее. Под первой парой грудей у женщины была вторая.

Женщина стояла абсолютно неподвижно. Вольф продолжал смотреть на ее грудь. Странным казалось не число, а то, что грудь вообще была видна, так быстро он привык к запретам этой страны.

Женщина откинула голову назад и засмеялась. Потом положила руку на бедро, выставила его вперед и поднесла к губам микрофон. И заговорила грубым, хрипловатым голосом:

– Год назад я жила в доме в Ньюарке, в трущобной халупе, так? Жила на четвертом этаже. И считала уже, что вполне сделала себе программу. Но все шло как-то сикось-накось, мне было никак... ну, не раскрутиться. Ну, ясно, как всегда бывает – не

проявить свой талант. А там на улице жила одна девица – ну ничего такого в ней особенного, а шло у нее все будьте нате, и я говорю себе: «А ты-то что, Дженис?» Как получается, что она зарабатывает столько, а ты не получаешь ничего? И я решила узнать, что же в ней есть такое, чего нет во мне? Однажды я встала рано, выглянула в окно и увидела эту девицу там, на улице. Я хочу сказать, что она вышла на улицу в полдень! И тогда я сказала себе: «Дженис, дорогая, ты ведь даже не пытаешься. И если ты хочешь чего-то добиться, ты должна попробовать». Да... Попробуй еще раз...

Будто из ниоткуда послышалась музыка, и женщина запела:

– «Попробуй... Попробуй... хотя бы еще раз... »

К удивлению Вольфа, песня ему понравилась. Он никогда не слышал ничего подобного. Он понимал ее почти на подсознательном уровне. Это была общечеловеческая музыка. У нее не было родины, она принадлежала всему миру.

Каплан вцепился в руку Вольфа и, нагнувшись к его уху, прошептал:

– Вы видите? Видите?

Вольф нетерпеливо отмахнулся. Он хотел слушать музыку... Он даже не знал, длился ли концерт целую вечность или одно мгновение. Его прошиб пот, душа была опустошена полностью. Женщина пела, приплясывая. Она изливала на зал совершенно невероятную энергию. Хотя Вольф и не знал, какой была настоящая Дженис, он был уверен, что это превосходная имитация.

Зал влюбился в певицу. Ее три раза вызывали на бис, а на четвертый она вышла и, задыхаясь, проговорила в микрофон:

– Я люблю вас, мои дорогие, я правда вас люблю. Но, пожалуйста, не надо больше. Я больше просто не смогу.

Она послала всем воздушный поцелуй и исчезла со сцены.

Весь зал был на ногах. Вольф поднялся, бешено аплодируя. Чья-то рука коснулась его плеча. Он с раздражением оглянулся. Это был Каплан. Его лицо раскраснелось, и он произнес только одно слово:

– Идем.

Вольф последовал за ним, пробираясь сквозь толпу к маленькой комнатке за сценой. Дверь была приоткрыта, а внутри толпились люди.

Певица была среди них. Ее волосы растрепались, она смеялась и бешено размахивала руками, в одной была зажата бутылка. Эта старинная стеклянная бутылка с настоящей бумажной этикеткой была на три четверти наполнена какой-то янтарной жидкостью.

– Дженис, это... – начал Каплан.

– Мэгги, – весело пропела она, – меня зовут Мэгги Горовиц. Я не мертвая блюз-певица. И не забывай об этом.

– Это твой фан, Мэгги. Из Африки.

Каплан слегка подтолкнул Вольфа. Тот нерешительно подошел, улыбкой извиняясь перед теми, кого пришлось потеснить.

– Приветик! – прокричала Мэгги. Сделав глоток из бутылки, она подошла к нему. – Ну как, лох, делишки? Бледноват ты для африканца.

– Моя мать происходит от немецких поселенцев. – Считалось, что чувствительные американцы лучше отнесутся к посланцу с более светлой кожей, но Вольф об этом промолчал.

– А звать-то тебя, лох, как?

– Вольф.

– Вольф! – воскликнула Мэгги. – Да ты, цыпа, настоящий покоритель сердец. Лучше мне держаться от тебя подальше, а? Того и гляди набросишься на меня и лишишь невинности. – Она подтолкнула его локтем. – Шучу, лох.

Вольф был очарован. Мэгги была живая, в десять раз живее, чем те, кто ее окружал. Рядом с ней они напоминали зомби. Вольф даже немного ее побаивался.

– Слышь, что скажешь о моем пении?

– Это было замечательно, – отвечал Вольф. – Это было... – Он не мог подобрать слов. – В моей стране музыка намного спокойнее, там нет такой страсти.

– Да, я сегодня круто выдавала, в полный улет. Голос у меня как никогда. Каплан, скажи этим, из Хопкинса, скажи им, что я стою ихних сраных денег.

– Ну конечно, стоишь, – сказал Каплан.

– Еще бы! А вы, гопники, чего сидите тут как задроченные? Пошлем на хрен эту контору и рванем по барам. Оттянемся по-крутому!

Она буквально выгнала всех из комнаты, из дома, на темные улицы. Маленькая шумная компания, будоража город своими криками, направилась на поиски баров.

– Здесь есть один рядом, – сказала Мэгги. – Завалим туда. Эй, лох, познакомься с Синтией. Син, это Вольф. Мы с Син вроде как один человек в двух шкурах. Скольким мужикам на пару давали – и не сосчитать, верно? – Она хихикнула и хлопнула Синтию по заду.

– Брось, Мэгги, – улыбнулась Синтия, высокая, стройная и привлекательная женщина.

– Да что он, этот город, сдох, что ли? – Мэгги прокричала

последнее слово и движением руки приказала всем замолчать. Секунду все стояли в тишине, прислушиваясь к эху.

– Да вот же он, – кивнула она, и вся компания налетела на первый бар.

Вольф перестал что-либо соображать уже после третьего бара. В какой-то момент он сдался и, сбежав от шумной компании, поплелся в гостиницу. Последнее, что он помнил, была Мэгги, кричавшая ему вслед:

– Эй, лох, да не будь же ты таким кайфоломом! – А потом:

– Мать твою, да ты хоть завтра-то приходи!

Весь следующий день Вольф провел в своей комнате, пил воду и отсыпался. К вечеру, когда жара начала спадать, его похмелье наконец прошло. Он вспомнил вчерашнее полусерьезное приглашение Мэгги, отбросил его и решил сходить в клуб.

Когда он подходил к клубу «Ухуру»[02], тот уже сиял огнями: маяк в темном океане города. Завсегдатаями клуба были все африканские дипломаты, туда приходили и представители различных торговых фирм, которых гнала в клуб грубость американской публики и потребность в приятной беседе. Здесь de facto не действовали жесткие принудительные законы, управляющие жизнью туземцев.

– Мбикана! Сюда, дружище, присаживайся, выпей чего-нибудь. – Ннамди из консульства уже махал ему рукой. Вольф подошел к нему, чувствуя на себе всеобщее внимание. Его кожа здесь выделялась. Даже слуги-американцы были черными. Был ли это знак уважения или презрения со стороны местных властей, Вольф не знал.

– Говорят, ты провел целый день наедине с Инспектором. – Ннамди предложил ему джин с тоником. Вольф ненавидел этот напиток, но дипломаты, похоже, ничего другого не пили. – Ну, давай расскажи какую-нибудь сплетню.

Вокруг них уже собиралась кучка слушателей. Эти люди кормились слухами и сплетнями.

Вольф вкратце пересказал разговор с Инспектором, и Ннамди захлопал:

– Целый день с Паучьим Королем! И после такого у тебя даже яйца целы! Великолепное начало!

– Паучий Король?

– Тебе, конечно, рассказывали об автономии районов – о том, как страна была разбита на куски, когда не могла больше управляться из единого центра? В этих местах нет никого выше Ди Стефано.

– Бостон, – фыркнула Аджиджи. Подобно большинству изгнанников, она была неудачницей, но не в пример многим этого от себя не скрывала. – Чего же еще можно ожидать от этих дикарей?

– Ну, Аджиджи, – мягко проговорил Ннамди. – Вряд ли этих людей можно назвать дикарями. Перед Крушением они послали человека на Луну.

– Техника! Мощная техника, вот и все. Та самая, которой они нас всех чуть не уничтожили. Посмотри лучше, как они живут! Эти – янки, – она прошипела это слово, чтобы подчеркнуть всю его омерзительность, – живут в полном убожестве. У них мерзкие улицы, мерзкие города, и сами они мерзкие, даже те, у кого нормальные гены. Приучать к чистоте надо с детства. Как еще можно их назвать?

– Людьми, Аджиджи.

– Отбросами, Ннамди.

Вольф слушал этот спор с возрастающим отвращением. Он с детства привык к достойному поведению людей своего круга. Слушать разговор, полный площадной брани и глупых предрассудков, было почти невыносимо. Вдруг это стало невыносимо. Он поднялся, нарочито громко стукнул, когда вставал, табуретом и, повернувшись ко всем спиной, вышел.

– Мбикана, ты не должен... – крикнул ему вслед Ннамди.

– Пусть уходит, – вмешалась Аджиджи и добавила удовлетворенно, – чего еще от него ждать. В конце концов, он ведь один из них.

Что ж, может, она и права.

Вольф осознал, куда шел, только когда очутился возле кабаре «Пибодиз». Он обошел здание кругом и оказался возле черного входа. Дверная ручка легко поворачивалась в своем гнезде, но ничего не открывала. Затем дверь распахнулась. Мощный бородатый мужчина в комбинезоне хмуро посмотрел на него:

– Что?

– Э-э... Мэгги Горовиц сказала, что я могу к ней заглянуть.

– Послушай, странник. Куча народу пытается пролезть за кулисы. Моя работа – не пускать незнакомых рож. Твою я не знаю.

Вольф попробовал придумать ответ, но не смог. Он уже собрался уходить, когда чей-то голос сказал:

– Пусть войдет, Деке.

Это была Синтия.

– Посторонись, – сказала она раздраженно. – Не загораживай проход.

Привратник отодвинулся, и Вольф смог протиснуться внутрь.

– Спасибо, – поблагодарил он.

– Nada[03], как сказала бы Мэгги, – ответила Синтия. – Ее комната вон там, странник.

– Вольф, цыпа! – воскликнула Мэгги. – Как дела, лох? Видел шоу?

– Нет, я...

– А надо было. Это было здорово. Правда, здорово. Сама Дженис не смогла бы лучше. Эй, хватит нам здесь торчать. Пойдем куда-нибудь, попрыгаем, порезвимся.

В конце концов их компания, в которой было уже человек двадцать, оккупировала один из баров за пределами зоны электрического освещения. Некоторые из них принесли с собой инструменты и, спросив у хозяина разрешения, принялись играть.

Мелодия была тягучей и монотонной. Мэгги слушала с видом знатока, усмехаясь и качая головой в такт музыке.

– Ну как тебе это, лох? Здорово, да? Это называется мертвая музыка.

– Подходящее название, – покачал головой Вольф.

– Эй, слышали, ребята? Вот этот, Вольф, только что пошутил. Ты еще не безнадежен, дорогуша. – Она вздохнула. – Не можешь понять эту музыку, а? Жаль, мой мальчик. Я хочу сказать, что тогда, раньше, у них была настоящая музыка. А мы... мы только эхо, парень. Только и можем повторять их старые песни, а у самих нет ни одной стоящей.

– И поэтому ты работаешь в этом шоу? – полюбопытствовал Вольф.

– Да нет же, черт возьми, – засмеялась Мэгги. – Я здесь потому, что подвернулся шанс. Со мной связался Ди Стефано и...

– Ди Стефано? Инспектор?

– Один из его парней. Они все это придумали, и им нужен был кто-нибудь на роль Дженис. Для этого запросили компьютер, и он выдал мое имя. Мне предложили деньги, я проторчала месяц или два в Хопкинсе, пока надо мной работали, и вот я здесь. На пути к славе и бессмертию. – Ее голос становился все звучнее и громче, передразнивая сам себя на последней фразе.

– А что ты делала в Хопкинсе?

– Ты что, думаешь, я от рождения так выгляжу? Им пришлось изменить мое лицо. Изменить голос, за что я не перестаю благодарить Бога. Они сделали его ниже, расширили диапазон, придали способность брать, не срываясь, высокие ноты.

– Не говоря уже о тех штучках, которые тебе вживили в мозг... – добавила Синтия.

– А, да, имплантанты... теперь я могу петь блюз, не выпадая из роли, но это не самое важное.

Вольф был поражен. Он знал, что в Хопкинсовском университете умеют многое, но чтоб такое!

– Что мне не ясно, так это зачем ваше правительство делает все это? Какая ему от этого польза?

– Чтоб я понимала. Не знаю и не хочу знать. Вот мой девиз.

Сидевший неподалеку от них бледный длинноволосый парень тихо сказал:

– Правительство сдвинулось на социоинженерии. Они делают кучу странных вещей, никто не знает почему. Мы привыкли не задавать вопросов.

– Эй, послушай, Хок! Оживить Дженис – разве это странно? Это замечательно! – возразила Мэгги. – Мне только хотелось бы, чтобы она действительно ожила. Посадить бы ее возле меня. Как бы мы с ней здорово поболтали.

– Вы бы друг другу глаза выцарапали, – вставила Синтия.

– Да почему же?

– Ни одна бы не захотела уступить другой сцену.

– Ну что ж, может быть, и так. – Мэгги хихикнула. – И все же хотелось бы мне увидать эту девку. Настоящая звезда, не то что я – жалкий отзвук.

В разговор вмешался Хок:

– А ты, Вольф? Куда приведут тебя твои странствия? Наша группа послезавтра уезжает, а у тебя какие планы?

– По правде говоря, никаких, – ответил Вольф. Он рассказал о своем положении. – Может быть, побуду в Балтиморе, пока не придет время отправляться на север, а может быть, съезжу еще куда-нибудь на несколько дней.

– А почему бы тебе не поехать с нами? – спросил Хок. – Мы превратим наше путешествие в сплошную, непрерывную пьянку, а в Бостон мы вернемся меньше чем через месяц. Путешествие там и закончится.

– Да! – воскликнула Синтия. – Гениальная идея! Вот чего нам не хватало, так это еще одного бездельника на нашем поезде.

– Ну и что такого? – взорвалась Мэгги. – Не мы же за это платим! Почему же нельзя?

– Все можно. Просто это глупая затея.

– А мне она нравится. Ну так как, лох, ты с нами?

– Я? – Он помедлил. «А почему бы и нет?» – Да, я с удовольствием поеду.

– Отлично! – Она повернулась к Синтии. – Твоя беда в том, милочка, что ты просто ревнуешь.

– О Господи, ну вот опять.

– Ладно, оставим это. Нечего нам ссориться из-за ерунды... А что это за герой вон там, возле стойки?

– Мэгги, этому «герою», как ты его называешь, нет еще и восемнадцати.

– Ага, но он красавчик. – Мэгги задумчиво посмотрела в направлении стойки. – Все-таки он милый, правда?

Весь следующий день Вольф провел приводя в порядок свои дела. Утром в день отъезда он отправился на вокзал. Обменявшись несколькими словами с охранниками, он прошел на огороженный двор, где стоял их поезд.

Поезд состоял из уродливого паровоза и десятка старых, чиненых-перечиненых вагонов. Вдоль корпуса последнего из вагонов приплясывали старинные психоделические буквы, намалеванные флюоресцентной краской всех цветов радуги: «Жемчужина».

– Эй, Вольф, иди взгляни на эту старушку. – На другом конце поезда виднелась одинокая фигура Мэгги.

Вольф подошел к ней.

– Что ты об этом думаешь?

Он попытался придумать что-нибудь вежливое.

– Это впечатляюще, – вымолвил он наконец. Почему-то в его мозгу вертелось слово «гротеск».

– Да. Бегает на мусоре, знаешь об этом? Ну прямо как я.

– На мусоре?

– Ага, здесь близко метановый завод. Да ты погляди на меня! В восемь утра уже проснулась и на ногах! Ты видал когда такое? Пришлось, правда, закинуть пару колес.

Он не понял, о чем идет речь.

– Ты хочешь сказать, что всегда встаешь поздно?

– Что? Ну, парень, да ты... Ладно, проехали. Нет... – Она секунду помедлила. – Послушай, Вольф. Есть такие таблетки, «колеса», они могут поднять тебя утром, поддержать тебя, заставить тебя двигаться. Понимаешь?

– Ты имеешь в виду амфетамины? – Вольф, кажется, начал понимать.

– Ну да. И эти штуки, они, значит, не совсем законные, сечешь? Так что не надо об этом особо трепать. Я тебе, конечно, верю, но уж лучше лишний раз предупредить, чтобы ты знал и не чесал зря языком.

– Хорошо. Я буду молчать, но ты же знаешь, что амфетамины...

– Оставь это, лох. Лучше познакомься с героем, которого я встретила вчера вечером. Эй, Дэйв! Хиляй сюда, красавчик.

Заспанный молодой человек плелся к ним вдоль вагонов. Он был одет в белые шорты, которые показались Вольфу несколько

вызывающими, и в просторную блузу, застегнутую до самого верха. Слегка обняв Мэгги за талию, он лениво кивнул Вольфу.

– У Дэйви тоже четыре соска, как и у меня. Что ты об этом думаешь? Это, должно быть, довольно редкая мутация, а?

Слегка покраснев, Дэйв опустил голову.

– О, Дженис, – пробормотал он.

Вольф ожидал, что Мэгги поправит мальчишку, но вместо этого она потянула их осматривать поезд, болтая без умолку, тыкая пальцем и указывая на все подряд.

Наконец Вольф извинился и вернулся к себе в гостиницу, предоставив Мэгги носиться по поезду, волоча за собой своего любимчика. Пообедав и уложив багаж, он прибыл к поезду раньше основной компании.

Поезд дернулся и поехал. Мэгги была в постоянном движении, болтала, смеялась, показывала, куда класть багаж. Она носилась из вагона в вагон, не останавливаясь ни на минуту. Вольф нашел свободное место, сел и стал смотреть в окно. За поездом бежали покрытые лохмотьями дети и, протягивая руки, просили милостыню. Кое-кто из группы кидал им деньги, но большинство, смеясь, бросалось в них каким-нибудь мусором.

Наконец дети отстали. Поезд шел медленно, оставляя за собой бесконечные мили развалин. К Вольфу подсел Хок.

– Мы будем ехать медленно, – сказал он. – Придется объезжать некоторые места. Через них лучше не ездить. – Он мрачно смотрел на выбитые окна пустых коробок, которые были раньше складами и заводами. – Смотри, странник, это моя страна, – промолвил он с отвращением. – Или, по крайней мере, ее труп.

– Хок, ты друг Мэгги?

– А вот в самом центре континента... – Голос Хока сделался глухим и отрешенным. – Там есть пещера, куда сложили радиоактивные отходы. Их сплавили в бруски и покрыли толстым слоем золота – все остальное слишком быстро разрушается. Я прикинул, что человек в защитном костюме сможет войти в эту пещеру и настрогать себе состояние. Там тонны золота. – Он вздохнул. – Когда-нибудь я собираюсь порыться в архивах и отправиться на поиски.

– Хок, ты должен меня выслушать.

Хок жестом остановил его:

– Ты о наркотиках, да? Только что узнал и хочешь, чтобы я поговорил с ней?

– Разговорами ничего не сделаешь. Кто-то должен ее остановить.

– Н-да… Пойми, Мэгги провела в Хопкинсе три месяца. Они делали ей радикальные операции. Раньше она выглядела совсем не так. Она могла петь, но из-за ее голоса не стоило сходить с ума. Не говоря уже об имплантантах в ее мозгу. Представь, какую боль ей пришлось вынести, а теперь спроси себя, что лучше всего убивает боль?

– Морфий и героин. Но у меня на родине, когда больному прописывают наркотики, врачи перед выпиской его от них отучают.

– Дело не в этом. Подумай: Мэгги могла бы убрать вторую грудь. В Хопкинсе это могут, но она не хотела испытывать боль.

– Она, кажется, своей грудью гордится.

– По крайней мере, она много о ней говорит.

Поезд трясло и качало. Трое музыкантов достали гитары и играли теперь «мертвую» музыку. Вольф помолчал немного, а затем спросил:

– Так что же ты хочешь сказать?

– А то, что Мэгги согласилась испытать гораздо большую боль, чтобы превратиться в Дженис. Поэтому когда я говорю, что она использует наркотики, чтобы избавиться от боли, ты должен понимать, что это необязательно боль физическая. – Хок встал и ушел.

В вагон влетела Мэгги.

– Раскрутились! – Она кричала так, что впору было опасаться за барабанные перепонки. – Девочки и мальчики, вы понимаете, что мы раскрутились, у нас будут большие концерты? Это дело надо отметить!

Следующие десять дней превратились в сплошную пьянку, прерывавшуюся только концертами. Уилмингтон принял их великолепно. Тысячи пришли посмотреть на шоу, многим даже не хватило билетов. Мэгги очень переживала перед первым концертом, страшно опасаясь провала, но ей удалось зажечь зал. Ее снова и снова вызывали на бис. Наконец, измученная и опустошенная, с мокрыми от пота волосами, она вышла на сцену в последний раз и, задыхаясь, проговорила:

– Это все, мальчики и девочки. Я люблю вас, мне хотелось бы петь еще, но я больше не могу. Не могу.

Аплодисменты не умолкали.

Гастроли в Филадельфии начались вяло, но закончились грандиозным успехом. На первом концерте были свободные места, на второй уже не всем хватило билетов. Два последних скорее походили на бурю. Группа отправилась в Ньюарк, сутки отдохнула, в День Труда выдала концерт, перед которым

померкли все предыдущие, а затем позволила себе отдохнуть еще сутки.

В этот свободный день Вольф изучал достопримечательности города. В Филадельфии он нанял местного проводника и осмотрел развалины нефтеперерабатывающего завода. Ржавые металлические строения поднимались высоко в небо, было в них какое-то трагическое величие. Трудно было представить себе, что когда-то в мире было достаточно нефти, чтобы наполнить эти гигантские резервуары.

В Уилмингтоне один из, местных жителей привел его в итальянский квартал, где проходила какая-то религиозная церемония. Это было шествие, возглавляемое священником, за которым шли восемь девушек в белом с курильницами и факелами. За ними следовали двенадцать крепких мужчин, торжественно неся украшенный цветастой тканью корпус древнего «Кадиллака». Шествие замыкала толпа верующих в комбинезонах и паранджах.

Вольф дошел вместе с шествием до реки, где машину опустили в яму, окропили святой водой и подожгли. Он спросил у своего проводника, в чем заключается смысл ритуала. Мальчишка только пожал плечами: «Это древний, очень древний ритуал».

В гостиницу Вольф вернулся поздно. Он ожидал застать веселье в самом разгаре, но гостиница была темной и пустой. В холле стояла Синтия и, заложив руки за спину, смотрела сквозь зарешеченное окно в черную пустоту.

– А где все? – спросил Вольф.

Было жарко. Мухи вились возле керосиновой лампы, с тупым упорством тараня стекло.

Синтия посмотрела на него как-то странно. На лбу у нее блестели капельки пота.

– Мэгги отправилась домой, вернее, на встречу выпускников ее школы. Собирается продемонстрировать старым друзьям, как высоко залетела. А остальные? – Она пожала плечами. – Куда деваются куклы, когда некому их дергать за ниточки? В своих комнатах, должно быть.

– Угу...

Влажное платье Синтии плотно облегало ее фигуру, под мышками расползались темные пятна.

– Может, сыграем в шахматы или займемся чем-нибудь еще?

В глазах Синтии появилось необычное напряжение:

– Вольф, можно тебя спросить? Ты совсем один в этом путешествии. У тебя с этим проблемы? Нет? Тогда, может быть, невеста дома?

– Была, но она не станет меня дожидаться. – Вольф

раздраженно махнул рукой. – Возможно, поэтому я и здесь.

Синтия взяла его руку и приложила к своей груди:

– Но женщины тебе не безразличны? – И пока он придумывал ответ, она прошептала:

– Идем, – и увлекла его в свою комнату.

Едва дверь за ними закрылась, Вольф обнял и поцеловал Синтию долгим, страстным поцелуем. Она ответила ему с той же страстью и легким толчком повалила на кровать.

– Раздевайся.

Плавное движение, и блузка сползла с ее плеч. Вздрагивающие груди казались неестественно белыми, освещенные струящимся из окна лунным светом.

После секундного колебания Вольф начал раздеваться. В отличие от Синтии, он чувствовал себя слабым и неуверенным. Желая избавиться от этого ощущения, он потянулся к Синтии, как только она рухнула возле него на кровать. Она выскользнула из его объятий.

– Подожди минуточку, странник. – Она порылась у себя в сумочке. – Хочешь сначала немного принять? Это усиливает ощущения.

– Наркотики? – спросил Вольф, испытывая невольный ужас.

– Да брось ты, спустись на землю. Один вечер не испортит твои гены. Попробуй-ка то, чего ты так боишься.

– Что это?

– Ванильное мороженое, – огрызнулась она.

Открыв маленький пузырек, она аккуратно высыпала несколько гранов белого порошка на ноготь большого пальца.

– Это стоит дорого, поэтому давай осторожно. Нужно вдохнуть все это за один раз. Знаешь как? Попробуй: глубоко вдохни и медленно выдохни. Вот так. Вдохни. Выдохни и задержи дыхание.

Синтия поднесла порошок к его ноздре, закрыв свободной рукой другую:

– Теперь быстро вдохни. Вот так.

Вольф судорожно вдохнул, и внезапно его переполнили странные ощущения. Он почувствовал свежий, бодрящий запах. Вихрь чудесного белого порошка достиг его горла. Он ощутил приятное покалывание. Ему показалось, что голова его вдруг стала очень большой и просторной. Вольф подозрительно подвигал подбородком, провел языком по губам – все было в порядке.

Синтия, быстро вдохнув свою порцию порошка, уже закрывала пузырек.

– Теперь, – сказала она, – коснись меня. Медленно. Не спеши.

У нас впереди целая ночь. Вот так... Да-а... – Легкая дрожь пробежала по ее телу. – Я думаю, ты понял.

Они провели в постели много часов. Чем бы ни был этот порошок, он сделал Вольфа спокойным и беззаботным, более склонным к ласкам. Порошок заставлял его медлить. Они занимались любовью не слеша, чувствуя, что у них достаточно времени. Три или четыре раза они останавливались, чтобы вдохнуть еще порошка, который Синтия отмеряла с торжественной тщательностью. И каждый раз они продолжали с новыми силами, не торопясь, откладывая и затягивая момент высшего наслаждения.

Вечер постепенно превратился в ночь. Наконец они просто лежали рядом, не касаясь друг друга, расслабленные и опустошенные. Тело Вольфа блестело от пота. Ему уже не хотелось начинать любовную игру, но он об этом молчал.

– Неплохо, – мягко проговорила Синтия. – Надо не забыть порекомендовать тебя Мэгги.

– Син, зачем ты так делаешь?

– Делаю что?

– Мы только что были так близки.., как только могут быть близки два человека. Но это закончилось, и ты сразу же говоришь что-то холодное. Неужели ты боишься нашей близости?

– Господи!

Это слово не значило ничего. Лишенное своего религиозного значения, оно стало избитым и вульгарным. Синтия порылась в сумочке, достала плоскую металлическую коробочку, вытащила оттуда сигарету и закурила. Вольф внутренне содрогнулся.

– Слушай, странник, чего ты хочешь? Ты хочешь жениться на мне, увезти в свои большие чистенькие африканские города, познакомить со своей мамочкой, а?.. Я думаю, нет. Так чего же ты хочешь от меня? Приятных воспоминаний, о которых можно будет потом рассказывать дома друзьям? Я, пожалуй, оставлю тебе одно. Я потратила годы на то, чтобы скопить достаточно денег на визит к доктору. Я хотела знать, смогу ли я родить. В прошлом году я пошла к одному, и, как ты думаешь, что он мне сказал? У меня что-то такое с красными кровяными тельцами, причем в запущенном виде. Лечить уже поздно. Остается только ждать. Здорово, правда? В один прекрасный день я просто упаду и умру. Ничего уже нельзя сделать. Пока я правильно питаюсь, внешние признаки будут не так заметны, так что я могу отлично выглядеть до самого конца. Я могу выиграть немного времени, если расстанусь с наркотиками, такими, как этот. – Она помахала сигаретой, и пепел упал ему на грудь. Вольф быстро смахнул его. – И с белым порошком, и другими, которые делают жизнь не

такой серой. Но у меня все равно не хватит времени, чтобы сделать что-нибудь стоящее. – Она замолчала. – А сколько сейчас времени?

Вольф выбрался из постели и принялся искать часы. Подойдя к окну, он с трудом разбирал цифры:

– Гм... Двенадцать... Четырнадцать.

– О, черт! – Синтия вскочила и кинулась к одежде. – Одевайся, одевайся скорее. Да не стой же ты так.

Вольф начал медленно одеваться:

– В чем дело?

– Я обещала Мэгги отправить кого-нибудь встретить ее и проводить сюда после этих чертовых посиделок. Они должны были кончиться уже несколько часов назад! Я потеряла счет времени. – Синтия не обратила внимания на его усмешку. – Готов? Пойдем сначала заглянем к ней в комнату, а потом спустимся в фойе. Боже, она будет вне себя.

Они нашли Мэгги в фойе. Она стояла посередине зала, перепачканная, измотанная, сумочка безвольно висела на руке. Лицо Мэгги пылало гневом. Мерцание лампы превращало ее в злобную старуху.

– Отлично, – взорвалась она. – Где же вы пропадали?

– В моей комнате. Трахались, – спокойно ответила Синтия.

Вольф испуганно посмотрел на нее.

– Ну что ж, замечательно. Нет, это просто великолепно! А знаете ли вы, где была я, пока два моих лучших друга развлекались в теплой постельке? А? Знаете, я вас спрашиваю? – Мэгги была близка к истерике. – В это время меня насиловали два глухаря! Понимаете?!

Она вихрем пронеслась мимо них, расставив руки так, будто хотела ударить их своей сумочкой. Они слушали, как она бежала по коридору, а потом с грохотом захлопнула дверь в свою комнату.

– Но я... – начал ошеломленный Вольф.

– Не позволяй ей пудрить тебе мозги, – сказала Синтия. – Она врет.

– Ты уверена?

– Послушай, мы жили вместе, спали с одними мужчинами. Я ее знаю. Она оттого рассвирепела, что ей пришлось возвращаться домой без эскорта. Вот наша звездочка и напускает тумана.

– Нужно было ее встретить, – с раскаянием проговорил Вольф. – Ее могли убить по дороге домой.

– Ну и что с того, что она умрет месяцем раньше, странник? Это меня абсолютно не волнует. У меня есть свои проблемы.

– Месяц? Мэгги тоже больна?

– Мы все больны, все.... А, да иди ты на хрен. – Синтия сплюнула на пол, повернулась на каблуках и исчезла.

Вольф ощутил витающее в воздухе колдовское заклятие, неотвратимое, как сама судьба.

Группа была на пути в Нью-Йорк. До первого концерта времени оставалось еще достаточно, но Мэгги не показывалась на глаза. Она пила, запершись у себя в купе. Пошли разговоры о том, что певица пристрастилась к наркотикам. Вольфа это очень встревожило. Тем более что в этой компании наркотики были обычным делом.

Ходили также слухи о встрече, на которой побывала Мэгги. Некоторые говорили, что она сразила своих прежних друзей, которые раньше не очень-то хорошо с ней обходились, что она была мила и очаровательна. Большинство, однако, считало, что она встретила холодный отпор и что она до сих пор оставалась смешным уродцем в глазах своих бывших приятелей. Со встречи ей пришлось уйти в одиночестве.

Пошли слухи и об отношениях Вольфа и Синтии. Тот факт, что она избегала его, только подогревал всеобщее любопытство.

Несмотря ни на что, концерты в Нью-Йорке прошли с ошеломляющим успехом. Билеты на все четыре концерта были распроданы немедленно. Спекулянты сколотили на этом состояние, а концерты впервые было разрешено проводить вечером. В некоторых районах города отключили электричество, чтобы обеспечить освещение и музыку. Мэгги пела как никогда. Ее голос сводил публику с ума, а блюзы могли бы покорить и каменное сердце.

Десятого числа они отправились в Хартфорд. Мэгги заперлась в своем купе. Люди бесцельно слонялись из вагона в вагон. Трое взялись за гитары, но так и не смогли сыграть ничего стоящего. Остальные лениво болтали. Хок перебрасывал карты Таро из одной стопки в другую.

– Да вы что тут, на хрен, все передохли? – В вагоне неожиданно появилась Мэгги. В лице странно сочетались задор и раскаяние. – Давайте веселиться, а? Послушаем музыку!

Она плюхнулась Хоку на колени и принялась покусывать его за ухо.

– С возвращением, Мэгги, – прокричал кто-то.

– Дженис! – радостно прокричала она в ответ. – Зовите даму Дженис!

Подобно игрушке, которую наконец-то завели, компания ожила. Загремела музыка. Голоса стали веселее и оживленнее. Появились и пошли по кругу бутылки. Следующие два дня, пока

поезд петлял, объезжая опасные районы Нью-Йорка и Коннектикута, праздник не затихал ни на минуту, но в то же время вокруг ощущалось скрытое напряжение. От веселости Мэгги веяло отчаянной безнадежностью. Вольф чувствовал себя загнанным в ловушку, и впервые ему захотелось, чтобы путешествие поскорее закончилось.

Как и многие другие гримерные, гримерная в Хартфорде была маленькой, тесной и плохо освещенной.

– Чеши сюда, Син, – крикнула Мэгги. – Ты должна накрасить меня так, чтобы я была на полном боевом взводе, как Дженис.

Синтия взяла Мэгги за подбородок, повернула ее лицом к свету:

– Мэгги, тебе не нужен грим, чтобы выглядеть, как на взводе.

– Нужен, черт возьми. И кончено. Давай начинай. Я – звезда и не обязана выслушивать всякую хрень.

Синтия поколебалась, припудрила Мэгги лицо и взялась за кисточку, слегка подчеркивая морщины и мешки под глазами.

Мэгги посмотрелась в зеркало:

– Вот это грим! – удовлетворенно произнесла она. – Это настоящий гротеск.

– Это твое настоящее лицо, Мэгги.

– Молчи, сука дешевая. Можно подумать, это я отсыпалась вчера вечером, пока вы трудились. – Вокруг стояла странная тишина. – Эй, Вольф! – Мэгги повернулась к нему. – Ты-то что скажешь?

– Ну, – в замешательстве начал Вольф, – боюсь, что Синтия...

– Вот видишь? Ну давайте начинать концерт.

Мэгги схватила свою заветную бутылку и одним глотком прикончила ее.

– Вряд ли это пойдет тебе на пользу.

Мэгги холодно улыбнулась:

– Ты же ничего не знаешь. Дженис всегда напивалась перед концертом... Чтобы быть в голосе.

Она встала и направилась на сцену. Конферансье неистовствовал:

– Леди и джентльмены... Дженис!

Раздались крики. Мэгги подошла к микрофону, взяла его и рассмеялась:

– Хэ-эй! Рада видеть вас. – Она качнулась, искоса взглянула на толпу и начала:

– Знаете, на прошлой неделе я пошла к доктору. Я сказала ему, что слишком много пью. С двенадцати лет я пью слишком много. Утром, под завтрак, – несколько Кровавых Мери. Бутылку виски – перед обедом, немножко за ужином, а уж вечером

разворачиваюсь по-настоящему. Я рассказала ему, как много и как долго я пила. И я сказала ему: «Слушай, док, это совсем не повредило мне, но я все же беспокоюсь, понимаешь? Скажи мне прямо, я не становлюсь алкоголичкой?» А он и говорит: «Какая там, на фиг, алкоголичка, лично я думаю, что ты в полном порядке!»

Зал одобрительно зашумел. Мэгги самодовольно улыбнулась;

– Да, мои дорогие, у всех есть проблемы, и я не исключение.

Заиграла музыка.

– Но когда у меня появляются проблемы, я нахожу ответ, потому что я могу петь старые добрые блюзы. Я могу просто петь, и проблемы уходят.

Она запела «Ядро и цепь», и зал, казалось, сошел с ума. За кулисами Вольф сидел на ступеньках и маленькими глоточками пил из стакана воду. Подошла Синтия и встала у него за спиной. Они молча смотрели, как Мэгги, танцуя и притопывая, извиваясь и воя, двигалась по сцене.

– Я никак не могу привыкнуть к этому контрасту, – заговорил Вольф, не глядя на Синтию. – Весь зал взбудоражен, а здесь тишина и покой. Иногда мне кажется, что мы отсюда видим что-то другое, не то, что видят из зала.

– Иногда бывает трудно увидеть то, что прямо перед тобой, – мрачно улыбнулась Синтия и исчезла.

Вольф уже привык к таким заявлениям и больше над ними не задумывался.

Второй, последний, концерт в Хартфорде прошел хорошо, однако два первых концерта в Провиденсе были ужасны. Казалось, у Мэгги разом пропали и голос, и чувство ритма, и ей пришлось прибегать к трюкам. На втором концерте она даже заставила зал танцевать – раньше в этом никогда не было надобности. Ее рэпы стали резче и непристойнее. Движения ее тоже сделались непристойными, вызывающими, как в стриптизе. Третий концерт был получше, однако неуверенность оставалась.

Их компания завернула в бар. Этот район пользовался дурной славой, и у входа в бронированных будках сидели охранники. Мэгги быстро набралась и закричала, обращаясь ко всем:

– Ребята, я ничего не соображала на сцене. Скажите, я была ничего?

– Конечно, Мэгги, – пробормотал Хок.

Синтия фыркнула.

– Ты была прекрасна, – уверил ее Вольф.

– Я ни хрена не помню, – простонала Мэгги. – Говоришь, я была хороша? Лажа все это. Если бы я была хороша, я

заслуживала бы того, чтобы это помнить. Я хочу сказать... Ты понял, а?

Вольф неловко потрепал ее по плечу. Она ухватила его за рубашку и спрятала лицо у него на груди.

– Вольф, Вольф, что со мной будет? – всхлипывала она.

– Не плачь. – Он погладил ее по голове.

В конце концов Вольфу и Хоку пришлось вести Мэгги домой. Остальные не захотели уходить из бара.

Они огибали район, где все здания были разрушены. Уцелело только одно. Оно одиноко стояло, глядя на них зияющими дырами окон и арками ворот, которыми не пользовались уже невесть сколько лет.

– Это была закусочная, – ответил Хок на вопрос Вольфа. Он казался смущенным.

– Почему она до сих пор цела?

– Потому что кругом есть невежественные и суеверные люди, – пробормотал Хок.

Вольф не стал расспрашивать дальше.

Улицы были темны и пустынны. Вокруг них снова появились дома, и их шаги гулким эхом звенели в каменных туннелях улиц. Мэгги была почти без сознания, она положила голову на плечо Хоку, и тому ее приходилось почти нести.

Что-то зашевелилось в тени домов. Хок напрягся.

– Пойдем быстрее, – сказал он шепотом.

Что-то вынырнуло из темноты. Это что-то было большим и только отдаленно напоминало человека.

Существо направилось к ним.

– Что это? – прошептал Вольф.

– Глухарь, – шепотом отозвался Хок. – И если ты знаешь какие-нибудь приемчики, пора их использовать.

Существо приближалось к ним неуклюжим аллюром. Вольф опустил руку в карман и резко повернулся к Хоку.

– Слушай, – заговорил он громким, сердитым голосом, – ты мне надоел. У меня нож, и я за себя не отвечаю!

Глухарь остановился. Краем глаза Вольф видел, как он скользнул назад в тень.

Мэгги подняла голову, на ее сонном лице появилось удивление:

– Эй, что...

– Чепуха, – пробормотал Хок. Он ускорил шаг, волоча за собой Мэгги. – Ты показал высший класс, – сказал он с одобрением.

Вольф с усилием вытащил руку из кармана. Она тряслась от пережитого напряжения.

– Nada, – сказал он. – Ведь так, кажется, говорят?

– Ага.

– Я ведь до конца и не верил, что глухари существуют.

– Просто у бедняги непорядок с гормонами. Забудь об этом.

Уже начиналась осень, когда группа наконец прибыла в Бостон. На самой большой бостонской сцене шли последние приготовления. Готовилось гигантское шоу. Вокруг сновали десятки людей.

– Должно быть, так выглядела Америка перед Крушением! – с восхищением воскликнул Вольф. Ему никто не ответил.

Утром перед концертом Вольф наблюдал за тем, как над сценой на случай дождя натягивают брезент. К нему подбежал озабоченный распорядитель и спросил:

– Странник, ты Дженис не видел?

– Мэгги, – по привычке исправил Вольф. – Нет, уже давно.

– Спасибо, – выдохнул парень и побежал дальше.

Вскоре к нему подошел Хок и тоже спросил:

– Где Мэгги, не знаешь?

– Нет. Подожди, Хок, что происходит? Ты второй, кто меня о ней спрашивает.

– Мэгги исчезла. – Хок пожал плечами. – Не о чем беспокоиться.

– Надеюсь, она вернется к началу концерта.

– Местная полиция ее уже ищет. В любом случае у нее же имплантанты. Если она сможет двигаться, то она будет на сцене. Даже не сомневайся. – И он заспешил прочь.

Заканчивались последние проверки, уже появились первые зрители, когда наконец появилась Мэгги. По бокам рядом с ней были люди в форме. Мэгги выглядела трезвой и сердитой. Синтия взяла ее под свою опеку, отпустила полицию и отвела Мэгги в фургон, который служил гримерной.

Вольф наблюдал эту сцену издалека. Решив, что здесь от него не будет никакой пользы, он лениво прошелся по площадке. Толпа все прибывала. Люди входили, рассаживались по местам в ожидании начала. Между собой они почти не говорили, а если и начинался разговор, то слова произносились шепотом. Зрители были одеты ярко, но видно было, что это не лучшая их одежда. Некоторые принесли с собой кувшины с вином и одеяла.

Создалась странная атмосфера. Никто не смотрел друг другу в глаза. Стиснутые губы. Ничего не выражающие лица. В их разговорах чувствовалось скрытое напряжение. Бродя среди толпы, Вольф прислушивался к разговорам:

– Сказала, что ее ребенок...

– ...Нужно. Никому это не нужно.

– Никак было не расплатиться...

– ...Странный вкус. Поэтому я...

– Пришлось снести три квартала...

– ...Кровь.

Вольфу становилось не по себе. Что-то зловещее было в их голосах, в выражениях лиц. Он столкнулся с Хоком, который торопливо пробирался сквозь толпу.

– Хок, здесь происходит что-то странное.

Лицо Хока исказилось.

– Нет времени, – сказал он, указывая в сторону осветительной вышки. – Концерт начинается. Мне надо быть на месте.

Вольф поколебался, а потом последовал за Хоком, взбиравшимся по лестнице в кабину.

Оттуда была видна вся площадь перед эстрадой. Люди казались крошечными муравьями, копошившимися на бурой утоптанной земле. Чувствовалось, что что-то не так, среди них не было ни одного ребенка. Три четверти неба было залито багрово-золотым закатом.

Хок по одному включал и выключал прожектора, сверяясь с листком, который держал в руке. Иногда он чертыхался и что-то переключал. Вольф ждал. Легкое дуновение шевельнуло его волосы, хотя внизу не было и намека на ветерок.

– Это больная страна, – произнес Хок.

Он надел наушники, направил красный прожектор в центр сцены, мигнул им несколько раз, погасил.

– Патрик, ты на связи? Прожектора включаем попарно. – Он проверил все точки, обращаясь к каждому оператору по имени.

– Средняя продолжительность жизни – что-то около сорока двух лет, если ты, конечно, выберешься живым из родильного дома. Нужно поддерживать высокий уровень рождаемости, чтобы в один прекрасный день страна не вымерла. – Он включил все красные и синие огни. Сцену залил пурпурный свет. Брезент над сценой казался черным. Одинокая фигура подошла к микрофону.

– Давай, Патрик.

Яркие лучи осветили конферансье. Он откашлялся и пустился разглагольствовать. Голос его гремел над толпой, повторенный десятками усилителей, расположенных далеко от сцены. Толпа медленно ползла мимо основания осветительной башни. Людям пришлось потесниться, волна опоздавших подталкивала их ближе к сцене.

– Вот и возникает вопрос, почему же наше правительство тратит чертову уйму денег на этот концерт.

– Да, – подтвердил Вольф, – почему?

Он стоял неподвижный и напряженный. Его обдувал легкий ветерок, и Вольф пожалел, что не взял с собой пиджака. Позднее он мог бы пригодиться.

– Потому что ему посоветовали эти чернокнижники – проклятые социоинженеры и их машины, – ответил Хок. – Посмотри на толпу.

– Дженис! – прогрохотали усилители.

И вот на сцене появилась Мэгги. Подбежав к микрофону, она уверенно взяла его в руки. Еще никогда она не была в лучшей форме. Толпа взорвалась аплодисментами. Охапки цветов полетели в воздух. Люди передавали из рук в руки бутылки и ставили их на край сцены.

Сверху не было заметно, как сказался на Мэгги прошедший месяц. Разноцветные прожектора скрывали восковую кожу и появившиеся морщины. Ее усыпанное блестками платье слепило глаза.

На середине второй песни Мэгги внезапно оборвала себя и крикнула толпе:

– Да вы, мать вашу, ребята, совсем как неживые! Кто за вас танцевать будет?

В разных концах зала поднялось несколько пар.

– Приготовиться прожекторам, – пробормотал Хок в свой микрофон. – Третий, четвертый и пятый – на полицию.

Яркие огни осветили в разных концах площадки кучки людей, где одетые в форму полицейские сцепились с танцующими. Один-единственный прожектор освещал Мэгги, которая, властно указав на одну из дерущихся групп, пронзительно закричала:

– Почему вы мешаете им танцевать? Я хочу, чтобы они танцевали. Это я приказала им танцевать.

С глухим ропотом половина зрителей вскочили на ноги.

– Третий выключается. Четвертый и пятый, выключайтесь по счету три. Раз, два... три! Отлично.

Полиция исчезла, затерявшись среди танцоров.

– Это было подготовлено, – догадался Вольф.

Хок даже не взглянул на него.

– Это часть легенды. А теперь посмотри направо, Вольф.

Тот повернулся в ту сторону, куда указывал Хок, и увидел, как несколько пар выскользнули из толпы и скрылись в тени.

– Что это?

– Только начало.

Постепенно толпа пьянела и становилась неконтролируемой. Нарастало злое, нетерпеливое возбуждение. Со своего места Вольф чувствовал, как поднимается волна истерии. Он уже видел это. Женщины сбрасывали паранджу и пускались танцевать.

Многие из них были полуодеты. Мужчины стягивали с себя комбинезоны. То там, то здесь затерянные среди толпы пары занимались любовью. На некоторые из них Хок направлял прожектор, освещая на несколько мгновений, но большинство продолжали, не обращая внимания на свет.

То там, то тут завязывались потасовки, но полиция растаскивала дерущихся. Люди собирали в кучи всякий хлам и поджигали его. Вскоре вся площадь перед сценой была испещрена яркими точками костров. Вверх поднимались клубы дыма. Хок играл цветными прожекторами, освещая толпу. Когда совсем стемнело, мигающие огни и грубые животные крики танцующих смешались, превращая концерт в дьявольский шабаш.

– Там происходит грязная штука, – заметил Хок. – И причем намеренно организованная мудрецами из правительства.

– Но ведь там нет подлинных чувств, – взорвался Вольф, – только животная похоть. Нет... Нет души.

– Да.

На сцене Мэгги заводилась уже до предела. Все ее блюзы были потрясающи – никогда еще она не была так хороша.

– Не слишком-то отличается от других концертов. Вся разница в том, что сегодня никто не хочет отложить это до дома.

– Неужели ваше правительство думает, что такой концерт сильно повысит рождаемость?

– Не сегодня, нет. Но у этих людей останутся воспоминания, чтобы подогревать их зимой. – Хок перегнулся через край платформы и сплюнул. – Э-эх, да почему я должен повторять всякую чепуху вслед за этими завравшимися идиотами. Это просто хлеб и зрелища, правительство дает народу расслабиться.

Мэгги затрубила от восторга:

– Эй, парни! Я завожусь, глядя на вас. Так, малыш, продолжай, правильно!

Она бегала по сцене, излучая беспредельную энергию; в ночи гремела бешеная, дикая музыка.

– Классно!

Мэгги показала толпе язык, и в ответ поднялся рокот восторга. Она подняла свою заветную бутылку и, покачивая бедрами в такт музыке, сделала гигантский глоток. Новая волна криков. Она языком провела по горлышку бутылки.

– Да! Это чертовски заводит меня, правда. – Она помолчала мгновение, а потом продолжала:

– Вот это я могу понять, ребята. Потому что я сама всего лишь маленькая хипповая девочка. Да.

Неожиданно Вольф понял, что она борется с толпой, борется за ее внимание. Мэгги хочет, чтобы все головы сейчас

повернулись к ней.

Она провела рукой по платью, на мгновение задержавшись на груди, а затем – в паху. Откинула со лба вспотевшие волосы. В это мгновение она была самим желанием, воплощенной страстью.

– Это правда. А вы знаете, у хипповых девочек ничего не бывает под платьем.

И снова волна непристойных выкриков прокатилась по площади.

– Не верите, а?

Вольф смотрел, не в состоянии отвести глаз от Мэгги, которая медленно развела ноги и присела, давая заглянуть к себе под юбку. Ее искаженное похотью лицо было ужасно. Она оперлась рукой о сцену, чтобы не упасть, и призывно взмахнула рукой.

– Идите ко мне, – простонала она.

Казалось, что рухнула плотина. На какой-то момент все замерло, а потом толпа взревела и бросилась вперед. Человеческое море хлынуло на сцену, сметая на ходу линию оцепления и взбираясь на дощатую платформу. На мгновение Вольф увидел Мэгги, пытающуюся подняться на ноги. На лице у нее застыло изумление. Толпа поглотила ее.

– Мать Греха, – прошептал Вольф.

Он смотрел на злобную, безумную толпу, бушевавшую у подножия башни. Люди бешено мчались, сталкивались и боролись друг с другом в гигантском крутящемся вихре. Вольф подумал, что сцена сейчас рухнет, но она держалась. Туда продолжали карабкаться новые и новые толпы, а она все не падала. «Было бы милосерднее, если бы она не устояла», – подумал Вольф.

Над толпой показалась рука, размахивающая чем-то блестящим. Вольф сначала не понял, что это. Затем появилась другая рука, сжимавшая искрящийся лоскут, потом еще одна, и он понял, что это обрывки платья Мэгги.

Вольф вцепился в поручни, чтобы не упасть вниз, в бурлящую массу. Крики толпы слились в дикий, ужасающий вой. Он зажмурился, тщетно пытаясь отогнать от себя кошмарные образы.

– Точно по графику, – пробормотал Хок. – Точно по долбаному графику.

Он выключил все прожектора и положил руку Вольфу на плечо:

– Идем. Мы сделали свое дело.

Вольф резко повернулся к нему, все еще сжимая руками перила. Как только он открыл глаза, приступ головокружения заставил его тяжело опуститься на пол платформы. Он

почувствовал приступ тошноты.

– Они… Хок, ты видел? Ты видел, что они сделали? Почему никто не… – Он задохнулся.

– Не спрашивай меня, – с горечью сказал Хок. – Я просто сыграл в этом спектакле роль Иуды Искариота. – Он тронул Вольфа за плечи. – Идем, странник, нам надо спускаться.

Вольф медленно оторвался от перил, позволив уговорить себя спуститься вниз.

Внизу их ждали люди в черной форме. Один из них заговорил, обращаясь к Хоку:

– Это подданный Африки? – И, повернувшись к Вольфу, продолжил: – Идемте с нами, сэр. Нам приказано доставить вас в вашу гостиницу.

Слезы застилали Вольфу глаза, он уже не видел ни толпы, ни площади, ни людей, стоявших перед ним, и, подобно доверчивому и беззащитному ребенку, позволил увести себя прочь.

Утром Вольф лежал в постели и бездумно глядел в потолок. Где-то в комнате жужжала невидимая муха. На улице грохотали окованные железом колеса повозок, и дети распевали считалочку.

Он с трудом поднялся, оделся и, умывшись, спустился в ресторан. За столом, дожевывая бутерброд, сидел Ди Стефано.

– Доброе утро, мистер Мбикана. Я уже собирался послать за вами.

Он указал на стул. Вольф сел. По меньшей мере трое полицейских расположились неподалеку.

Ди Стефано достал из кармана какие-то документы и протянул их Вольфу.

– Подписано и заверено. Мы кое-где изменили условия договора, но ничего существенного. Думаю, ваше руководство не будет возражать. – Он отправил в рот остатки бутерброда. – Я бы сказал, что это достойное начало вашей будущей карьеры.

– Благодарю вас, – механически произнес Вольф.

Он взглянул на документы, но, не разобрав ничего, опустил их на колени.

– «Африканское Творение» завтра покидает наш порт. Для вас заказано место. Вы можете отправляться домой, если пожелаете, конечно. Через три недели будет другой корабль, и если вам угодно получше познакомиться с нашей страной…

– Нет, – поспешно сказал Вольф и, спохватившись, что это прозвучало грубо, добавил:

– Мне не терпится снова оказаться дома. Я там так долго не был.

Ди Стефано коснулся салфеткой уголков рта и бросил ее на скатерть:

– Тогда все.

Он поднялся.

– Подождите, – остановил его Вольф. – Мистер Ди Стефано, я... Мне бы очень хотелось получить объяснения.

Ди Стефано снова опустился в кресло. Он не стал притворяться, что не понял вопроса.

– Для начала вы должны знать, что мисс Горовиц не была нашей первой Дженис Джоплин, – сказал он.

– Как это?

– И второй тоже.

Вольф вопросительно посмотрел на него.

– Она была двадцать третьей, не считая самой Дженис. Мы устраиваем это шоу каждый год. Каждый год оно заканчивается в Бостоне в день равноденствия. И каждый раз конец один и тот же.

Вольф размышлял, стоит ли ему попытаться заколоть этого человека вилкой или лучше встать и попробовать задушить его. Он должен был бы чувствовать гнев, но его не было. Внутри была одна пустота.

– Это из-за имплантантов?

– Нет. Поверьте мне, я хотел бы, чтобы она осталась жива. Имплантанты помогали ей играть свою роль, не больше. Она, правда, не помнила других певиц, которые играли Дженис до нее, но ее смерть не была запланирована. Это просто... просто это случается.

– Каждый год?

– Да. Каждый год Дженис предлагает себя толпе. И каждый раз ее разрывают на клочки. Нормальная женщина никогда не предложила бы такого. Нормальные люди никогда бы так не реагировали. И я буду знать, что моя страна на пути к излечению, если в один прекрасный день Дженис доживет до своего второго турне. – Он помолчал. – Или не найдется ни одной женщины, которая захотела бы сыграть ее роль, зная, чем все это кончается.

Вольф пытался обдумать услышанное. Он чувствовал себя подавленным и опустошенным. Слова доходили до него, но он не мог решить, есть ли в них какой-нибудь смысл.

– Один, последний, вопрос, – проговорил он. – Почему я?

Ди Стефано поднялся:

– Когда-нибудь вы, возможно, вернетесь к нам... А может быть, и нет. Кто знает? Но вы, без сомнения, займете ответственный пост в Юго-Восточной Африканской Торговой Компании. Ваши решения будут влиять на нашу экономику. – Четверо человек в форме тоже поднялись со своих стульев. – И

когда это произойдет, я хочу, чтобы вы знали о нашей стране вот что: нам нечего терять... До свидания и всего хорошего, сэр.

Охранники вышли вслед за Ди Стефано.

Вечер. Корабль покачивается на рейде, готовый нести Вольфа домой. Прочь от этой страны колдовских кошмаров с ее призраками и бродящей повсюду смертью. Он смотрел на корабль, и тот казался ему миражом. Вольф утратил способность верить.

К берегу приближалась шлюпка. Вольф поднял свои сумки.

notes

[01]

Генри Л. Менкен (1880-1956) – известный американский писатель, критик, издатель.

[02]

Ухуру (суахили) – свобода.

[03]

Nada (ucn.) – ничего.